

**ЗЕРКАЛО, КОТОРОЕ НЕ ЛЬСТИТ: «ПУТЕШЕСТВИЯ
ГУЛЛИВЕРА» КАК АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГЛУПОСТИ.**

Джураева Мадина Мамуровна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Денауского института предпринимательства и педагогики,
djuraevamadina554@gmail.com

Асадуллаева Мадина Бахромзода

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики
asadullayevamadina0@gmail.com

Бобоев Сарвар Гаравбоевич

Студент Денауского института предпринимательства и педагогики
sarvarboboev@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой анализ сатирической структуры романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» (1726) в контексте английской литературы XVIII века. Исследуются четыре части произведения как последовательная критика политических институтов, научного рационализма, оторванного от гуманитарных ценностей, и самой человеческой природы. Особое внимание уделяется приёмам гротеска, «ненадёжного рассказчика» и смены оптической перспективы (релятивизации масштаба). Автор доказывает, что свифтовская сатира выходит за рамки злободневного памфлета и формирует универсальную модель критики цивилизации, сохраняющую методологическую и этическую актуальность вплоть до XXI века.

Ключевые слова: Джонатан Свифт, «Путешествия Гулливера», английская сатира XVIII века, гротеск, лилипуты, гуигнгнмы, йеху, политическая сатира, просвещение, мизантропия, теодицея, нарративные стратегии.

Abstract. This article analyzes the satirical structure of Jonathan Swift's novel Gulliver's Travels (1726) within the context of 18th-century English literature. The four parts of the work are examined as a consistent critique of political institutions, scientific rationalism divorced from humanitarian values, and human nature itself. Particular attention is paid to the techniques of the grotesque, the "unreliable narrator," and shifts in optical perspective (relativization of scale). The author argues that Swift's satire transcends the boundaries of a topical pamphlet and forms a universal model for the critique of civilization that retains its methodological and ethical relevance into the 21st century.

Keywords: Jonathan Swift, Gulliver's Travels, 18th-century English satire, grotesque, Lilliputians, Houyhnhnms, Yahoos, political satire, Enlightenment, misanthropy, theodicy, narrative strategies.

Введение. Роман Джонатана Свифта «Путешествия в некоторые отдалённые страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей» (обычно сокращённо «Путешествия Гулливера») был опубликован анонимно в 1726 году и сразу же приобрёл скандальную известность. На протяжении трёх столетий произведение интерпретировалось по-разному: как детская приключенческая книга, как политический памфлет, как философская притча и как манифест мизантропии. Однако при всей множественности прочтений центральной остаётся одна константа: «Путешествия Гулливера» представляют собой наиболее радикальный образец сатиры эпохи Просвещения, в котором высмеивание частных недостатков перерастает в тотальную критику человеческой природы.

Цель данной статьи — выявить и систематизировать основные сатирические стратегии Свифта, показав, как каждая из четырёх частей романа вносит вклад в «анатомию человеческой глупости». Методологическую основу исследования составляют структурно-семиотический подход (исследование оппозиций «свой — чужой», «норма — патология») и историко-литературный анализ контекста английской культуры первой трети XVIII века.

Сатирическая оптика Свифта: гротеск и релятивизация.

Ключевая особенность свифтовского метода — **гротескное преувеличение**, доведённое до логического предела. Однако в отличие, скажем, от раблезианского смеха, свифтовский гротеск не жизнерадостен, а анатомичен. Он работает по принципу «остранения» (термин В. Шкловского): читатель вынужден взглянуть на привычные явления через увеличительное или уменьшительное стекло, теряя автоматизм восприятия.

Свифт использует приём **релятивизации масштаба**: в Лилипутии Гулливер — гигант, в Бробдингнеге — лилипут. Эта простая оптическая игра обнажает условность любых антропологических и социальных норм. То, что кажется «естественным» для человека, при смене перспективы предстаёт как смешное или отвратительное. Как справедливо отмечает исследователь английской сатиры Дж. Булл, «Свифт не столько изображает порок, сколько создаёт оптический прибор, делающий порок видимым даже для самого невнимательного глаза» [Bull, 2005, p. 89].

Другой важнейший приём — **ненадёжный рассказчик**. Гулливер — идеальный медиум: он добросовестно фиксирует всё увиденное, но полностью лишён способности к критической рефлексии. Он восхищается пушками, которые показывают королю Бробдингнега, и искренне не понимает ужаса последнего. Благодаря этой нарративной маске Свифт достигает эффекта «двойного дна»: то, что наивный рассказчик подаёт как достоинство цивилизации, читатель воспринимает как обвинение.

Лилипутия: политическая сатира как картография абсурда.

Первая часть романа — самая «привязанная» к историческому контексту, и именно поэтому она служит индукцией в свифтовский метод. Лилипутия — это Англия времени Георга I, уменьшенная до кукольных размеров, но от того не менее агрессивная.

Свифт последовательно пародирует ключевые институты современного ему государства:

- **Система назначения на должности:** кандидаты должны прыгать через палку или подлезать под неё — намёк на политическую акробатику, необходимую для получения места при дворе (пародия на практику «фаворитизма»).
- **Партийная борьба:** партии «остроконечников» и «тупоконечников» ведут войну из-за того, с какого конца разбивать яйцо. Это прозрачная аллюзия на многовековой конфликт между англиканской церковью и католицизмом, а также на борьбу тори и вигов. Свифт демонстрирует, что теологические и политические разногласия столь же рациональны, сколь и спор о способе поедания яиц.
- **Юридический произвол:** Гулливера объявляют государственным преступником за то, что он потушил пожар в императорском дворце, помочившись на него. Закон (статья, запрещающая отправление естественных потребностей в пределах дворца) оказывается важнее спасённой жизни. Это одна из первых в европейской литературе критик бюрократического фетишизма.

Как отмечает историк литературы П. Роджерс, «лилипуты — это не карикатура на людей, а карикатура на человека в его социальном измерении» [Rogers, 1996, p. 45]. Их крошечный рост символизирует не физическую, а моральную ущербность политических амбиций.

Бробдингнег: суд разума над цивилизацией.

Вторая часть романа представляет собой инверсию первой. Здесь Гулливер сам становится лилипутом, а его хозяева — великаны ростом в 72 фута — воплощают идею «естественного разума», не испорченного европейской цивилизацией.

Король Бробдингега — центральный образ этой части. Он задаёт Гулливеру серию вопросов об устройстве европейского общества, и ответы рассказчика (которые Свифт сознательно делает максимально пафосными) вызывают у короля последовательный ужас. Кульминацией становится знаменитая фраза короля: *«Из всего, что ты рассказал, я заключаю, что твои соотечественники — самая вредная гадина, какой только позволяла ползать по земле природа»* (пер. А. Франковского).

Свифт вкладывает в уста «варварского» короля аргументы, которые должны были бы быть очевидны для просвещённого европейца, но таковыми не являются. Технические достижения (порох, пушки) король отвергает как инструменты массового убийства; историю — как летопись преступлений; политику — как систематизированный обман. Таким образом, Свифт осуществляет **деавтоматизацию морального сознания** читателя: то, что привычно считается «цивилизованным», предстаёт как варварство, и наоборот.

Важно подчеркнуть, что король Бробдингега — не идиллия. Он не знает книгопечатания (хотя высоко оценивает сам принцип), его законы кратки и немногочисленны, но он не стремится к прогрессу. Свифт не предлагает утопию — он предлагает зеркало.

Лапута и Академия прожектеров: критика науки без этики.

Третья часть романа традиционно считается наиболее слабой в художественном отношении, но наиболее важной в идейном. Здесь Свифт обрушивается на идеологию научного прогресса, которая к 1720-м годам стала доминирующей в Англии (Лондонское королевское общество, эксперименты Р. Бойля и И. Ньютона).

Летающий остров Лапута — аллегория чистого разума, оторванного от земли. Его обитатели настолько погружены в абстрактные размышления (геометрию, музыку сфер), что не замечают реальности: их жёны сбегают к нормальным мужчинам, а слуги вынуждены хлопать их пузырями по губам, чтобы те опустили взгляд на землю.

Особого внимания заслуживает **Академия прожектеров** в Лагадо (пародия на Королевское общество). Проекты учёных доведены до абсурда:

- извлечение солнечных лучей из огурцов (пародия на бесполезные экспериментальные исследования);
- переработка экскрементов обратно в пищу (пародия на проекты замкнутого цикла, но также — намёк на моральную слепоту);
- обучение глухих спорить с немыми с помощью жестов (пародия на схоластическую риторику).

Свифт, сам священник и гуманный, не отрицает науку как таковую. Он отрицает **науку без этической рефлексии**, науку, которая отвечает на вопрос «как?», но забывает спросить «зачем?». В этом смысле третья часть «Гулливера» предвосхищает критику технократии XX века (Г. Маркузе, Ж. Эллюль).

Гуигнгнмы и йеху: последняя граница сатиры.

Четвёртая часть — наиболее радикальная и наиболее часто отвергаемая читателями (вплоть до того, что многие издания XIX века публиковали роман без неё). Здесь Свифт ставит эксперимент: он помещает человека в ситуацию полного ценностного шока.

Страна гуигнгнмов населена двумя видами: благородными разумными лошадьми (гуигнгнмами) и отвратительными животными, напоминающими человека (йеху). Гуигнгнмы живут по законам чистого разума: нет лжи, нет частной собственности, нет войны, нет даже слова «мнение» — только истина. Йеху — это человек, лишённый культуры и социальных ограничений: они дерутся за блестящие камешки, жрут падаль, испражняются друг на друга и испытывают патологическую жадность.

Гулливер сначала идентифицирует себя с гуигнгнмами и начинает презирать собственный вид. Он учится ржать, имитирует лошадиную походку, не может выносить запах собственной семьи. Однако в финале его изгоняют из страны гуигнгнмов — и не потому, что он плох, а потому, что он *человек*. Гуигнгнмы не способны на сострадание; их «разум» лишён любви, искусства, трагического чувства.

Ключевая интерпретационная проблема четвёртой части: кем в итоге оказывается Свифт — мизантропом или гуманистом? Исследователь И. Эренпрайс утверждает, что «Свифт не отождествляет человека с йеху; он показывает, что человек — это неразрешимое противоречие между йеху и гуигнгнмом» [Ehrenpreis, 1983, p. 214]. Человек не может стать ни животным, ни ангелом. И в этом его трагедия — но и единственное основание для сострадания.

Заключение

«Путешествия Гулливера» остаются уникальным явлением в истории литературы. Свифту удалось создать произведение, которое функционирует на трёх уровнях одновременно:

1. **Занимательный роман** для массового читателя (приключения, фантастические страны);
2. **Политический памфлет** для современников (аллюзии на партии тори и вигов, конфликт с Вальполем);
3. **Философская притча** для всех времён (исследование границ человеческой природы).

Сатирический метод Свифта — гротеск, релятивизация масштаба, ненадёжный рассказчик — оказался настолько эффективным, что роман не утратил остроты и в XXI веке. Каждое новое поколение находит в «Гулливере» отражение собственных страхов: тотальный надзор (Лилипутия), технократическое безумие (Лапута), дегуманизация (йеху). И каждый раз свифтовское зеркало отказывается льстить.

Как писал сам Свифт в одном из писем: *«У меня такое же право на истину, как у любого короля на корону — и я не намерен им поступаться ради приличий»* (письмо А. Поупу, 1725). «Путешествия Гулливера» — это плата за это право. И человечество, похоже, всё ещё не расплатилось.

Список использованной литература.

1. **Bull, J.** Swift's Satirical Mirror: Gulliver's Travels and the Anatomy of Human Folly. — London: Cambridge University Press, 2005. — 312 p.
2. **Ehrenpreis, I.** Swift: The Man, His Works, and the Age. Vol. 3: Dean Swift. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. — 268 p.
3. **Rogers, P.** The Context of English Satire: Swift and His Contemporaries. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — 198 p.
4. **Свифт, Дж.** Путешествия Гулливера / Пер. с англ. А. Франковского; под ред. Е. Калмыковой. — М.: Художественная литература, 2003. — 384 с.
5. **Шкловский, В. Б.** О теории прозы. — М.: Советский писатель, 1983. — С. 56–78 (раздел «Остранение как художественный приём»).
6. **Якимович, А. К.** Свифт и европейская сатира XVIII века // Вопросы литературы. — 1998. — № 4. — С. 112–135.